

А. М. СЕЛИЩЕВ

О ЯЗЫКЕ «РУССКОЙ ПРАВДЫ» В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ
О ДРЕВНЕЙШЕМ ТИПЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА¹

В основу языка древнерусской письменности был положен язык старославянских (древнеболгарских) рукописей. Язык древнерусской письменности не был вполне тождественным с языком старославянским: элементы русского языка проникали в той или иной мере в язык рукописей, выполнявшихся русскими писцами. Элементы русского языка не в одинаковой степени отражались в древнерусских произведениях; их проникновение в язык рукописей зависело от степени грамотности и начитанности писца, а также от того, была ли рукопись копией со старославянского оригинала или она представляла собою оригинальное произведение русского книжного человека: в списках со старославянских оригиналов элементы древнерусского языка отражались слабее, чем в оригинальных русских произведениях. Степень проникновения черт русского языка зависела и от содержания произведения, было ли оно оригинальным или представляло список со старославянской рукописи: в церковно-богослужебных текстах, в торжественных словах-проповедях элементы книжного, старославянского языка соблюдались строго русскими книжными людьми; в произведениях же, ближе стоявших к общественно-бытовой жизни, в летописях и в особенности в деловых документах более значительны были элементы бытовой, русской речи. Таковы общие положения об основных элементах языка древнерусской письменности.

Было высказано и иное мнение о древней основе языка древнерусской письменности. Так, А. А. Шахматов в письме к проф. Гетцу, автору обширного исследования о «Русской Правде», отмечая в языке памятника² «почти полное отсутствие церковно-славянизмов», поставил вопрос: «не служит ли это доказательством весьма ранней записи, когда школы еще не функционировали, когда только еще начиналась письменность... письменная передача закрепила готовый, обработанный устный текст: кодификация произошла в живой речи, а не на письме»³. Определенно высказались по этому вопросу Е. Ф. Карский и С. П. Обнорский — высказались в направлении, наметившем А. А. Шахматовым. «Писцы этого времени (времени фиксирования установлений «Русской Правды» при Ярославе I, в начале XI в. — А. С.) еще не успели выработать строго стилизованного на ц.-славянский лад литературного языка... вследствие чего в нашем светском памятнике так много чисто русских особенностей»⁴.

С. П. Обнорский пришел к следующим выводам на основании произведенного им анализа языка «Русской Правды»: ранее формирования древнерусского литературного языка на основе старославянского языка на Руси существовал более древний

¹ Публикуемая впервые статья покойного проф. А. М. Селищева «О языке „Русской Правды“ в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка» написана в 1941 г. В ней содержится критика положений акад. С. П. Обнорского по вопросу о происхождении древнерусского литературного языка, высказанных им в статье «Русская Правда» как памятник русского литературного языка» (ИАН СССР, Серия VII, 1934, № 10). Следует отметить, что фундаментальное исследование С. П. Обнорского по данному вопросу — «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (М. — Л., 1946) — появилось уже после смерти А. М. Селищева. Рукопись предлагаемой статьи А. М. Селищева, содержащая 37 листов в четверку, хранится в Кабинете русского языка Московского гос. пед. ин-та В. И. Ленина. Рукопись подготовлена к печати по инициативе и при участии доц. Е. А. Васильевской; публикуется она без каких-либо изменений; все отступления от текста, за исключением необходимых исправлений технического характера, оговорены в примечаниях. — *Ред.*

² Слово «памятник» в рукописи отсутствует.

³ L. K. G o e t z, Das russische Recht, Bd. IV, Stuttgart, 1913, стр. 63—64.

⁴ Е. Ф. К а р с к и й, Русская Правда по древнейшему списку, Л., 1930, стр. 20.

⁵ В рукописи предлог «на» отсутствует.

тип литературного языка, отличавшийся простотой своей структуры и представлявший собою цельные элементы живой русской (севернорусской) речи; в этом языке не было заимствований южнославянских, но были заимствования более ранние, шедшие в севернорусскую среду с запада, из мира северо-германского (скандинавского). «Анализ языка „Русской Правды“ позволил облечь в плоть и кровь понятие этого литературного русского языка старшего периода. Его существенные черты — известная безыскусственность структуры, т. е. близость к разговорной стихии речи, понятная для языка, начинающего [! — А. С.] свое собственно литературное развитие, и полное отсутствие следов взаимодействия с болгарской, общее — болгарско-византийской культурой... Анализ языка „Русской Правды“ поражаает многими особо целостно [— А. С.] выраженными явлениями, среди них замечательны факты с заимствованной лексикой... в тексте «Русской Правды» полнейшим образом отсутствует лексика византийского происхождения. Отсюда также следует сделать вывод, что эпоха сложения и место составления „Русской Правды“ принадлежали той поре и той территории культивирования русского литературного языка, в которую и на которой не существовало базы для питания реальных связей русского и византийского миров. Это была, действительно, пора X в., это была территория северной, кривичской Руси, с старым культурным центром в ней — Новгородом. ...Здесь из века жили традициями иных культурных влияний — с севера и с запада, со стороны германского, по-видимому, и западнославянского мира. Недаром полному отсутствию в „Русской Правде“ византийских заимствований отвечает как раз относительно густой слой в числе заимствованных элементов именно слов германского происхождения»¹.

Мы не можем принять таких утверждений. Все данные, на которых основываются они, представляють иное значение.

Невозможно утверждать, что в языке «Русской Правды» нет книжных, южнославянских (старославянских) элементов. Они, хотя и в небольшом количестве, имеются в языке этого памятника. Произвольно было бы приписывать эти южнославянские позднейшим переписчикам. К таким элементам относятся образования с префиксом *раз-*, в соответствии восточнославянскому *раз-*: *разков*, *разсудити*, *разналичити*, *разграбление*. Заметим, что и в других русских актах, например в новгородских грамотах, написанных на общедомном русском языке того времени, писцы пользовались префиксом *раз-*. Так, в грамоте 1234 или 1235 г., представляющей почти во всех словах элементы русского языка, находится *раздати*, *раздавати*.

Южнославянизмом является слово, типичное для названий штрафа — *вжда*, — термин, издавна употреблявшийся в таком значении у южных славян. Иным обусловлено появление в тексте «Русской Правды» слова *чрък*, в южнославянском звуковом виде, с *рѣ*, которое русские писцы передавали посредством *р*. Следует дать корни двум косям, что *чрък* означает. Здесь ясна тенденция изобразить русское слово *черво*: последнее было неподходящим по своему бытовому грубоватому значению (*брюхо*, *пузо*). Такой специфический оттенок грубоватости отражается, например, в словах Ярославова воеводы Буды: он начал укорять Болеслава *глаголю: да то ти про боденъ тѣмъко чръкѣ тѣмъ толстѣко* («Повесть временных лет», под 6526—1018 г.). Несоменно, в южнославянском звуковом виде назван день недели *среди: ка срьдѣ* = *в среду*. Итак, слова с южнославянскими *рѣ*, *р* (вместо *рѣ*) применялись у восточных славян в сфере юридических дел XI в.

Много примеров представляет «Русская Правда» в отношении формы род. падежа ед. числа прилагательных со старославянским окончанием *-го*, *-его* и даже *-аго* в соответствии русским формам на *-ого*, *-его*: *до третѣхъ сродѣ*, *до третѣхъ рѣдѣ*, *козѣаго мѣста кѣдѣаго*, *козѣаго тѣмѣа*, *пѣрѣадаго*, *скодѣаго* и др. И в этом пункте параллель можно отметить в деловых новгородских актах на общедомном русском языке: в них изредка (реже, чем в «Русской Правде») употреблялись формы на *-аго*: *Ш тысящѣаго кодрѣа* (в грамоте 1234 [1235] г.). Южнославянизм отражается в окончании род. падежа ед. числа жен. рода на *-а* (*-и*): *сѣдѣ всакоа сѣдѣ*, в соответствии русской форме на *-ѣ*. То же происхождение звуковой вид местоимения 1-го лица ед. числа *ахѣ* (*ахѣ мѣа* *тѣа*) в соответствии русскому *я*.

В «Русской Правде» формы аориста употреблены в немногих случаях. С. П. Обнорский видит в них позднейшую вставку: в первоначальном тексте памятника формы аориста отсутствовали; их уже тогда не было в живой русской речи, а для передачи прошедшего действия употреблялись только перфект. Нельзя согласиться с таким объяснением, так как не принято во внимание значения форм аориста и перфекта. А значение их ясно указывает, что в тексте юридического кодекса и должны быть формы перфекта, а не аориста. Формы аориста указывают на определенный миновавший момент действия, обычно совершенного вида. Это момент действия в прошлом, миновавший ранее или во время или после другого действия. Поэтому в сообщении и в рассказе о прошедшем определенном моменте действия применяются формы

¹ С. П. Обнорский, Русская Правда как памятник русского литературного языка, ИАН СССР, Серия VII — Отд-ние обществ. наук, 1934, № 10, стр. 774—775.

аориста. Они и применены в своем месте в «Русской Правде»: но *прослѣхъ же* . . . *смыслъ е* *него* . . . *ѡбидѣши оудѣниши да голоуеши; а нѣко кѣмъ не прослѣхъ соудѣти такоже и смыслъ е* *го* *оудѣниши*. Ясно видно, что тут сообщается о действиях, происшедших после смерти Ярослава, — о действиях, сопоставляемых с действиями, относимыми ко времени Ярослава и представляемыми как акты того времени, с значением перфекта. Значение перфекта — констатирующее. Оно не подчеркивает минувшего момента, не определяет процесса действия; но оно представляет в настоящем связь прошедшего действия с субъектом, указывает на результат действия, произведенного субъектом: *то рече мѣи «ты являешися сказавшимъ ато»; приидѣхъ мѣи «ты — пришедший»*. Эти формы¹ представляют в настоящем результат произведенного действия: *нѣко прослѣхъ [нѣхъ] соудѣти* — представляется Ярослав, установивший суд по данному делу, а не сообщается о процессе установления «правды». В связи с таким значением перфекта он применяется обычно в разговоре, в особенности при 1-м и 2-м лице: *я явлюсь такимъ-то, «ты являешися такимъ-то»*. Так и в «Русской Правде»: *нѣ рече [«не знаю»] оу кого мѣи корѣни; нѣ рече мѣи оу [«что»] мѣи холопъ; приидѣхъ мѣи*. Не процессе, а констатирование результата действия, констатирование связи в настоящем с действием, произведенным субъектом, представляют и судебные установления. Вот почему в «Русской Правде», в ее установлениях, употребляется перфект, а не аорист — *аки кто много рече нѣхъ [«если кто много процентов брал»], то тебѣ нѣ нѣхъ и др.*

Выразительную параллель представляет такой сербский памятник судебного содержания — Законник Стефана Душана (XIV в.). Там в определенных случаях представлены формы аориста, а не перфекта. Именно в предисловии к Законнику — в предисловии, в котором сообщается о событиях, происходивших в правление Стефана и предшествовавших созыву собора для составления свода судебных установлений, применены последовательно формы аориста. *Завистникъ-дьяволъ въздѣви же на нѣхъ. з. царь вѣхъ въ зѣмлю (1330) . . . ; въ нѣмъ оушѣхъ въ зѣмлю . . . и др.* В тексте же установленный Законником при констатировании явлений употреблены формы перфекта: *и кто естъ чѣмъ чѣмъкъ прѣхъ не тоужде нѣхъ, а оу не похѣхъ етъ сѣмъ сѣмѣдѣхъ, етъ сѣмъ аки да канѣхъ ѡбидѣши царѣхъ да сѣ не похѣхъ «а кто приидѣхъ чѣмъ-либо человека из чужой области, а он убежал от своего господина, пусть не наказываться, если он представит царскую льготную грамоту»*. В сербском же языке до сих пор имеются формы аориста и перфекта с указанными выше значениями этих форм. Таким образом, думать о «привитии форм аориста» книжным путем в тексте Законника совсем невозможно. Излишне это предположение и для древнерусских памятников. Многие из них до XIV в. представляют определенное различие в применении форм аориста и перфекта.

С. П. Обнорский отмечает «поражающую цельность», «изумительное единство» в отношении элементов русского языка, отражающихся в «Русской Правде». Эту цельность он объясняет тем, что «Русская Правда» представляла тип древнерусского литературного языка раннего периода, предшествовавшего периоду усвоения языка старославянской (южнославянской) письменности в качестве литературного в среде восточных славян. Нет, «Русская Правда» не представляет указания на существование особого типа древнерусского литературного языка, предшествовавшего литературному языку, формировавшемуся на основе старославянского. Близость к живой народной речи обусловлена была не тем, что то был начальный момент его письменного применения, а содержанием речи, сферой применения ее. Не только в XI в., но и позднее, не только у русских, но и у сербов, у которых язык старославянской письменности имел то же применение, что и у восточных славян, произведение дологого содержания писались не «высоким» языком церковных книг и торжественных слов-проповедей, а простым деловым языком. Когда говорили о воровстве, о драке, о вырванной бороде, о разбитом в кровь лице, применялась и соответствующая речь — речь обыденной жизни. Например: *аки [«если»] кто кого оудѣтитъ катого на. люхъ чини. люхъ рече. люхъ тыхъ сѣхъ [«обухом»]. то. нѣ. гравѣ [«12 гривен»]; нѣхъ люхъ люхъ люхъ. люхъ к сѣхъ. люхъ ѡ сѣхъ. люхъ по люхъ оудѣтитъ нѣхъ жидѣхъ оудѣтитъ. . . ; кто коумъ даѣтъ въ рѣхъ [«на проценты»]. нѣхъ нѣхъ [«придачу, лихву»] на люхъ. нѣхъ жито въ просѣхъ [«в лихву, на придачу при займе зерном»] . . . Испещрять речь в таких случаях книжными элементами было бесцельно.*

Не только стиль, но и точность содержания деловой речи, документальная точность требовала применения соответствующих слов — слов русских определенного значения. Например:

голова в значении «убитый», голоуеши — «убийца», голоуешиство — «убийство», «пѣня за убийство» нельзя было заменить словами в южнославянском звуковом

¹ В рукописи слово «формы» отсутствует.

² Запятая и «а» зачеркнуты в рукописи при исправлении стоящих рядом слов.

³ В рукописи: дьявол.

виде — глаголы и производными от этого слова: при такой замене утратилось бы специфическое значение русского термина;

хороша — «дом», «постройка при доме»: аж хараъ оудирити своюды мужа, а оутѣжити въ хороша, а гнѣ иже не выдаста, то... И тут невозможно было употребить южнославянское соответствующее по звукам слово: хараъ относился к церкви, а не к жилищу; прикладным — специальный термин в значении «сбор при отъезде княжеского чиновника, вирника». И в данном случае неудобно было применить префикс¹ в южнославянском виде, при: книжным людям хорошо был известен южнославянский термин прикладати — «переводить с какого-нибудь языка на другой язык»;

солода, съ. вѣдѣръ солодоу. Это бытовое слово уже не было связано с южнославянскими именами, представлявшими корень сала: салакъ, сладость.

Во многих случаях содержание кодекса требовало применения таких русских слов, соответствий² которым в южнославянском виде писец не мог знать. Например: лопатина «прошлогоднее животное» (от наречия лопи, лопись, южнослав. лани «в прошлом году»); за коровоу. м. коуна, а за третьюкоу. а. коуна. а за лопатиную полѣ гривы; роунины — «относящийся к пашне, пашенный»: межу селѣнкою, ѿ роунины збоуан; южносл. ралки (ралки).

Личные имена (Володимиръ, Всеволодъ и др.), как и имена городов (Новгородъ), также по их бытовому и конкретному применению обычно передавались в русской письменности XI—XII вв. в восточнославянском звуковом виде. Ср. языковые элементы в записи такого опытного книжного человека, каким был писец Остромирова евангелия дьякон Григорий. При церковнославянских формах архаизирующѣ естъ мѣсти, съдѣластъ естъ употреблены бытовые слова в русском звуковом виде по отношению к имени лица и города: «сладина», «негородъ». Ср. звуковой вид такого бытового слова — переса в Сборнике Святослава 1073 г. Как видно, даже в рукописях церковной и поучительной содержания бытовые слова передавались с элементами обиходной речи. Чем ближе содержание рукописи к обыденной жизни, чем деловитее и конкретнее оно, тем больше черт обиходной речи отражается в ней. Так было в языке грамот и судебных установлений. Параллельное явление представляет сербский Законник Стефана Душана. Он написан на языке с элементами обиходной сербской речи того времени (XIV в.) — написан в то время, как проповеди и другие произведения литературного значения писались «высоким» церковнославянским языком с некоторыми сербскими элементами. Подобно тому как нельзя на основании языка Законника Стефана Душана утверждать существование особого древнесербского литературного языка, предшествовавшего древнесербскому литературному языку, сформировавшемуся на основе старославянской (болгарской), так же неосновательно тезис и о существовании особого древнерусского литературного языка, который будто бы предшествовал появлению у восточных славян письменности на старославянской основе. Как у сербов, так и у русских старославянские элементы отражались в той или иной мере и в рукописях делового содержания. «Поразительной цельности» сербских или русских элементов эти рукописи никогда не представляли. Как в Законнике Стефана Душана, так и в «Русской Правде» книжные элементы отразились. В отношении «Русской Правды» некоторые из них отмечены были выше. Еще одна параллель в отношении языка деловых, в частности судебных документов, — параллель Запада. У поляков официальным языком судебных актов был язык латинский. Но в записях словопреятий³ тяжущихся и их конкретно-бытовых показаний применялась польская обиходная речь с местными диалектными чертами (судебные записки XIV—XVI вв.).

С. П. Обнорский считает язык «Русской Правды» примитивным, языком начальной стадии в его выполнении функций литературного назначения⁴. На этой ступени язык будто бы обращается за помощью к другому языку — к языку «смежного языкового мира». В этой помощи нуждался будто бы и древнерусский литературный язык, отразившийся в «Русской Правде». На это указывают заимствованные слова — заимствованные не с юга, не из византийско-болгарского мира, не из его книжности и общественной жизни, а с северо-запада, из мира северогерманского. «...Вряд ли вообще может отправлять свои развивающиеся функции литературного назначения язык любой нации без того, чтобы в известной мере не связаться нитями взаимодействия с каким-либо иным смежным языковым миром. Таким был и русский литературный язык старшего периода, и у него были свои взаимодействия на языковой почве, только что — не с болгарско-византийским миром. Анализ языка „Русской Правды“ поражает [! — А. С.] многими особо целостно выраженными явлениями; среди них замечательны факты с заимствованной лексикой». Это лексика не болгарская: та русская область, где культивировался русский литературный язык древнейшего типа, в то время,

¹ В рукописи: суффикс.

² В рукописи: соответствия.

³ В рукописи: словопреения.

⁴ В рукописи: значения.

в X в., не имела связей ни с Византией, ни с Болгарией. Это была область Севера, с ее центром — с Новгородом. Так полагает С. П. Обнорский. Здесь, по его мнению, «...из века жили традициями иных культурных веший — с севера и с запада, со стороны германского, по-видимому, и западнославянского мира». «Густой слой» слов германского происхождения, находящихся в «Русской Правде», будто бы свидетельствует о связях с германским миром и о его воздействии на русский литературный язык древнейшего типа. В качестве показательных в этом отношении германских заимствований отмечены *вира*, *головажля*, *гридь*, *мытникъ*, *мательникъ*, *тигунъ*, *тынь*; с некоторой оговоркой отнесено сюда и *орудие* в значении «дело», «занятие».

Нет: все эти слова совсем не относятся к выставленному выше тезису о неизбежности для литературного языка в начале его формирования заимствовать иноязычные слова. Сообщенные примеры из «Русской Правды» не выполняли «функции литературного назначения», а появлялись совсем иначе. Они уже давно применились в житейской практике восточных славян.

мытникъ — «сборщик торговой пошлины»; слово русское, как *мытарь* в старославянском языке, производное от *мыто* «пошлина», а это заимствовано было разными славянскими группами в первые века сношений с германцами — с готами;

тынь — слово скандинавского происхождения, тоже давнее заимствование, сделанное разными славянскими группами.

Германское происхождение слова *орудие* «дело», «занятие» недостоверно: давний звуковой вид корня того слова имел носовой гласный *ę*: *ređ*; этот корень мог быть представлен в чередовании с носовым *ę*: *ređ-*. Кроме того, это слово находится тоже в разных славянских языках.

Как видно, понимание указанных слов в связи¹ с потребностями литературной функции древнерусского языка не находилось. Вне этой функции появились и другие слова, отмеченные выше:

головажля — «мера для соли»; слово из германской среды, появившееся у восточных славян при торговых сношениях их с германцами (ср. germ. *Calwet-*). Той же функции — функции торгового обмена, а не литературного применения — обязаны и заимствованные слова меры весов *скала*, *пуд*, *берковец* — слова, бывшие в восточнославянском обиходе в XII—XIII вв. и в более раннее время. Они не имели отношения к запросам формировавшегося литературного языка, как и наши *грамм*, *кило*, *тонна* и т. п.

вира — как специфический термин в практике кровавой мести являло было от германской среды, от среды торговой и военно-разбойнической дружины, которая действовала на торговом пути «из варяг в греки» и в которой особенное значение принадлежало практике кровавой мести;

гридь — «княжий воин», *тигунъ* — «княжий чиновник», «казначей» — имена должностных лиц, имена северогерманского происхождения. Появление их в русской среде, и в Новгородской и в Киевской областях, связано было с общественным значением скандинавских дружин в VIII—IX вв. на славянском востоке;

мательникъ — «судный пристав», как и *вируникъ* — «чиновник, собирающий виру» — слова, обретенные русскими от имен *вира* и *матель*. Последнее слово не ясно по своему происхождению. Может быть, оно через фонетическую стадию с носовым гласным *А* (*мАтель*: представляло собою передачу западноевропейского слова *mantel* «плащ», «одежда».

Тезис о неизбежности для древнерусского языка в начальной его стадии литературного формирования заимствовать языкиную, северогерманскую лексику совершенно не обоснован в отношении «Русской Правды». Не соответствует историческим данным и утверждение, что Новгородской области в X в. были чужды интересы Юга, Византии. И в X в. существовали «реальные связи русского и византийского миров». Новгород не был изолирован от Киева в делах торговых и государственных. А по этим делам Русское государство X в. поддерживало оживленные связи с Византией. С другой стороны, не только Новгород, но и Киев в X—XI вв. был втянут в торговую деятельность с Западной Европой. В западноевропейских источниках этот город, считавшийся весьма богатым, соперничавшим с Константинополем, упоминается чаще, чем польские города, более близкие к Западной Европе. И в отношении государственных дел Киев был в связи с Западной Европой. Сношения с Германией происходили уже при князье Ольге. Ярослав I был в союзе с германскими императорами Генрихом II и Генрихом III. Он породнился с царствующими домами Англия, Франции, Германии, Польши, Скандинавии, Венгрии и Византии.

С. П. Обнорский принимает в расчет такое соображение в отношении языка «Русской Правды»: наличие в ней элементов, общих с западнославянскими языками, наличие «общих тенденций... от еще более старших эпох». Такой чертой указано окончание *k* в форме род. падежа ед. числа и им.-вин. падежа мн. числа имен на *-ja* (закъ) и вин. падежа мн. числа муж. рода с прежней основой на *-jo* (коит).

¹ В рукописи слово «в связи» отсутствует.

С. П. Обнорский полагает, что выдержанное применение форм с таким окончанием характерно было для давнего типа древнерусского литературного языка. Позднее часто применялись формы с южнославянским окончанием *-а*, произносившиеся по-русски, как *-а* ('а): *земля, коня*. Последовательность же применения окончаний *-ѣ* указывает будто бы на восточнославянский север, на Новгородский край, «где жили традиции былых связей с западнославянским миром».

И это несомненно. Окончание *-ѣ* не отражает живучести давних традиций, поддержанных связью с западнославянским миром, а представляет факт давнего, доисторического языкового фонда. Ничего специфически севернорусского, новгородского формы на *-ѣ* не представляли. Такие формы были в языке и других восточнославянских групп — и в Киевской области, и в бассейне Оки. В «Русской Правде» формы с окончанием *-ѣ*, а не с *-а* (хотя имеется там и *кѣзѣмъ есмь*) обусловлены были деловым, бытовым содержанием текста. Дьякон Григорий, писец Остромира святилища, писал в своей торжественной книге: *пастырь своих овецъ галыма и овца по нимъ идеть; блудный сын хотел утолить голодъ отъ рожицы маже ѣдѣхъ свинимъ и т. д.* Григорий и в устной речи в соответствующем тексте по-видимому пользовался такими формами с южнославянским окончанием (*а* произносил он как 'а). Но в домашнем обиходе в разговоре с дьяковлицей речь бывала о необходимости стричь *овца*, кормить *свинимъ*.

В отношении языкового состояния доисторической эпохи мы не можем с достоверностью утверждать, что *-ѣ* в указанных формах появилось в результате процесса, общего для предков восточных и западных славян; такое образование могло произойти и независимо в тех и других группах. Того же давнего происхождения у предков восточных и западных славян было и новообразование в форме твор. падежа ед. числа имен мужского и среднего ² рода — гласный *ѣ* перед окончанием *-мъ*: *возѣмъ, мѣстѣмъ*. Одинаково изменилось в доисторическую эпоху в речи предков западных и восточных славян сочетание *ort-, olt-* в начале слова при нисходящей интонации под акцентом или вне акцента (вне ударения) — изменилось в *rot-, lot-: rosti, roz- (профис), roviъ, loti* «в прошлом году», *tokъ* (у предков южных славян — *rat-, lat-*). Об этих одинаковых чертах в языках восточных и западных славян С. П. Обнорский, утверждающий гипотезу давнего формирования древнерусского литературного языка на Севере, не говорит, — по-видимому, потому, что те же черты отражались и в давних памятниках украинских. Если севернорусские связи с западнославянским миром благоприятствовали удержанию форм на *-ѣ*, то почему же эти связи не приписывать и устойчивости форм на *-ъ* (*вогъмъ*), слов с *ro-, lo- (рости, ровиъ, лони, ложеть)*, находившихся во всех восточнославянских группах? Иско, что формы на *-ѣ* и другие указанные выше черты, одинаковые с западнославянскими языками, идут от эпохи доисторической, употреблялись в разных восточнославянских краях и в поддержке их связью с западнославянскими группами не нуждались.

С. П. Обнорский указывает еще сочетания с союзом *а* соединительного значения «и» — сочетания, служившие будто бы «ярким свидетелем» связей севернорусской и западнославянской групп: *и. грикъ а. ѣ. коуна* и др.

Нет, это утверждение явилось вследствие того, что не принята во внимание история сочетания с союзом *а* в значении «и» по славянским языкам; русские факты XI в. поставлены в связь с фактами западнославянскими XIX в. Все славянские языковые группы, не только западные, но и южные и восточные, имели сочетания с союзом *а* такого значения. Памятники южнославянской и восточнославянской письменности свидетельствуют об этом. В истории южных и восточных славянских языков с течением времени это сочетание с союзом *а* было вытеснено сочетанием с союзом *и*. Но и в позднее время применялись сочетания с союзом *а* в значении «и». Следовательно, в XI в., когда записана была «Русская Правда», повсюду у славян были сочетания с *а* соединительного значения, и ничего специфически западнославянского в этом сочетании не было.

Ссылка на живучесть в Новгородской области давних традиций связи с западными славянами — ссылка фиктивная: нет никаких указаний на эту связь. Попытка С. А. Геденова³, Н. М. Петровского⁴, А. А. Шахматова⁵ указать западнославянизмы

¹ В рукописи: в окончании *-ѣ* не отражается.

² В рукописи: мужского и женского.

³ См. С. Геденов, *Варяги и Русь*, СПб., 1876. Критические замечания см.: И. Первлов, *Варяги-Русь и балтийские славяне*, ЖМНП, ч. СХСР, 1877, июль; И. И. Срезневский, *Замечания о книге С. А. Геденова «Варяги и Русь»*, СПб., 1878.

⁴ См. Н. Петровский, *О новгородских «Словесах»*, «ИОГЯСРос. Акад. наук», т. XXV (1920), Пг., 1922.

⁵ См. А. Шахматов, *К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры*, РФВ, т. LXIX, Варшава, 1913, стр. 1—11; а также, *Очерк древнейшего периода истории русского языка*, Пг., 1915, стр. 101—102, 318, 325, 329.

в языке новгородских словен не удовлетворительны. Немногие словарные и морфологические элементы в русских говорах Новгородского края, одинаковые с соответствующими словами и морфологическими элементами польско-поморской языковой области, как они представлены в книге Геденова и в статье Н. М. Петровского, совершенно неприемлемы в методологическом отношении: все то весьма немногое, случайное, фрагментарное, указавшее этими лицами, не связывает русско-новгородских отмеченных фактов с соответствующими данными польско-поморскими. То же приходится заявить определенно и о тезисе А. А. Шахматова, относящемся к «ляшским» чертам в русских говорах. В севернорусской области такой чертой он считает цоканье: оно появилось в результате воздействия польского населения — воздействия, которому подверглись предки севернорусов, продвигавшиеся из среднего Поднепровья в верхнее, а оттуда в озерную область, к Ильменскому озеру, в верховья Волги и Оки. В верхнем Поднепровье они «должны были встретить на своем пути лишские племена, радимичей и другие племена, населявшие современную Белоруссию. Пробиваясь через ляхов, севернорусы могли смешаться с ними, увлекая их в дальнейшие движения, ассимилируя их себе, но и воспринимая некоторые черты и от них» («Очерк», стр. 318). Польские группы, с которыми столкнулись севернорусы, представляли, по мнению А. А. Шахматова, мазуренье, т. е. не имели шипящих согласных, а имели вместо них свистящие согласные: *carny, zylo, syja*. Под влиянием таких говоров появилось в русских говорах цоканье в одних говорах, в других шепелявое произношение мягких *š, ž* (как в польском языке), в третьих (в Псковском крае) замена шипящих согласных свистящими и смешение этих согласных. Тому же влиянию обязано и *лл, гл* (вместо *лз, гз*), мягкие *ц, да* вместо мягких *м', д'* (пеканье и дзеканье) в псковских говорах. Польские группы пропекли и в области верхнего Поволжья и Оки. Пеканье и *д'* дзеканье в некоторых говорах Тверского, Московского и Рязанского краев свидетельствует будто об этом (см. «Очерк», стр. 329—330).

Все эти утверждения А. А. Шахматова лишены исторического и лингвистического основания. Невозможно утверждать, что верхнее Поднепровье было занято в IX—X вв. польскими племенами. Легендарное сообщение «Повести временных лет» о том, что Радим был от рода ляхов, нельзя класть в основу этого утверждения: легенда о Радиме появилась при определенных² обстоятельствах общественно-политической жизни Киевского государства, при политических связях его с Польшей в XI в. В действительности нет зоны таких говоров, которые представляли бы систематически переплетенные давние элементы восточнославянские и польские, подобно, например, зоне, существующей издавна между болгарской и сербской областями (бассейн Тимок, Поморавье, район Призрена). Такой зоны между восточными славянами и поляками не было: разные литовско-прусские группы (пруссы, литвики³, голядь и др.) разделяли области этих славянских народов. Несостоятельна и ссылка на мазуренье: севернорусское цоканье — явление более раннее, чем польское мазуренье. О других чертах, в которых А. А. Шахматов видел результат польского воздействия, замечания сделаны мною в других статьях⁴. Подробнее о них я говорю в отдельной работе. Нет никаких определенных данных, которые свидетельствовали бы о реальных связях новгородцев с поляками или о традиции этих связей, существовавшей там.

Итак, гипотезу о древнейшем типе русского литературного языка X—XI вв., сформировавшемся на Севере и предшествовавшем появлению русских рукописей на старославянской языковой основе, следует считать не обоснованной⁵.

¹ В рукописи «п» отсутствует.

² В рукописи: каких-то.

³ Так в рукописи.

⁴ См.: А. Селищев, Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов, «Slavia», годн. VII, seš. 1, 1928; его же, Соканье и поканье в славянских языках, там же, годн. X, seš. 1.

⁵ Не можем считать доказанным и утверждение С. П. Обворского, что списку «Русской Правды» по Новгородской кормчей 1282 г. предшествовал посредствующий список, сделанный в области украинских говоров. Некоторые явления, отмеченные С. П. Обворским как украинизмы, в действительности не показательны. Так, случаи смешения *ѣ* и *ѧ* настолько (в рукописи: так) многочисленны, что относить несколько примеров с *ѣ* вместо *ѧ* перед слогом с утраченным *ѣ, ѧ* (такимъ) к украинскому оригиналу невозможно. Также невозможно считать форму *сынни* (на -*ни*) формой, перешедшей из украинского оригинала: в XI—XIII вв. и в Новгородской области были живыми такие формы дат. падежа. Ср. в Новгородской грамоте 1264 (1265) г. с чертами обыденной речи того времени форму на -*си* в таком имени: *насинокъ*. Как видно, самая форма имени, бытовая форма (*Иванко*), свидетельствует, что она взята из обыденной речи.